
ОСОБОЕ МНЕНИЕ SEPARATE OPINION

Научная статья
УДК 343.13
EDN OLFFMC
DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.97-106

Верховенство прокурора в уголовно- процессуально-правовой организации противодействия преступности

О.В. Левченко

Прокуратура Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы,
г. Москва, Российская Федерация, 2923757@rambler.ru

Аннотация. На основе историко-теоретических закономерностей как важного фактора развития права исследуется положение прокурора в современной государственно-правовой организации противодействия преступности, равно как и в уголовно-процессуальной системе и досудебном производстве. Повышенное внимание уделяется новым представлениям об уголовно-правовом воздействии как процессуальном производном из текста уголовного закона. Обосновывается вывод о необходимости усиления процессуально-правового статуса прокурора и снятия искусственно созданного разделения между обвинительной и следственной властью. Выдвижение обвинения и его доказывание в досудебном производстве следует передать под юрисдикцию данного участника судопроизводства со стороны обвинения для того, чтобы он в полной мере мог выполнять эти функции в судебных стадиях и тем самым обеспечивать справедливое правоприменение и оказание уголовно-правового воздействия на преступность.

Ключевые слова: прокурор, выдвижение обвинения, доказывание, противодействие преступности, уголовно-процессуально-правовая организация.

Для цитирования: Левченко О.В. Верховенство прокурора в уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности / О.В. Левченко — DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.97-106. — EDN OLFFMC // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 1. — С. 97–106.

Original article

The Supremacy of the Prosecutor in the Criminal Procedure-Legal Organization of Crime Counteraction

O.V. Levchenko

Prosecutor's Office for Troitsky and Novomoskovsky Administrative Districts
of the City of Moscow, Moscow, the Russian Federation, 2923757@rambler.ru

Abstract. Using historical-theoretical regularities as an important factor for the development of law, the author analyzes the position of the prosecutor in the current state-legal organization of crime counteraction, as well as in the criminal process system and pre-trial proceedings. Special attention is paid to new ideas regarding criminal law impact as a procedural derivative of the text of criminal law. The thesis of the necessity to strengthen the procedural legal status of the prosecutor and to remove the artificial separation between the prosecutorial and the investigative powers is proven. Bringing an indictment and proving it in pre-trial proceed-

ings should be transferred to the jurisdiction of the party for the prosecution in the court proceedings, so that it could fully perform these functions at the trial stages and thus ensure just and fair law enforcement and criminal law impact on crime.

Keywords: prosecutor, bringing indictment, proof, crime counteraction, criminal procedure legal organization.

For citation: Levchenko O.V. The Supremacy of the Prosecutor in the Criminal Procedure-Legal Organization of Crime Counteraction. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 1, pp. 97–106. (In Russian). EDN: OLFFMC. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.1.97-106.

К настоящему времени в отечественной уголовно-процессуальной культуре господствует следственная идеология. Это привело к воплощению в позитивном праве концепции процессуальной самостоятельности следователя и прокурорского надзора, отделенного от непосредственного участия прокурора в ключевых процедурах досудебного производства. Прокурор надзирает за исполнением законов в досудебных стадиях, но не властвует в досудебном производстве. Он не участвует в предварительном расследовании дела, и тем более не руководит им.

Подобное положение прокурора в досудебном производстве является исключительным явлением в истории отечественного уголовного процесса и выделяет российскую уголовно-процессуальную систему в ряду других развитых уголовно-процессуальных систем мира [1; 2, с. 84–142].

В своих теоретических построениях о роли прокурора в правовой организации противодействия преступности мы исходим из двух главных источников. Во-первых, это классическое русское уголовно-процессуальное учение об обвинительной власти государства, возглавляемой прокуратурой [3, с. 4–20]. Это учение, созданное генерал-прокурором российской империи — Н.В. Муравьевым, а также другими русскими учеными [4, с. 8–9; 5] в период действия Устава уголовного судопроизводства,

было господствующим на пике развития уголовно-процессуальной, правовой культуры России.

Вторым источником стало для нас современное учение об уголовном процессе как институциональной основе правовой организации противодействия преступности, которое в настоящее время развивается рядом ученых [6; 7].

Вначале тезисно изложим суть концепции обвинительной власти. Ее создатель отмечал, что «общенадзорная» постановка организации и деятельности прокуратуры свойственна более всего начальным стадиям ее развития, когда прокуратура выступает «правительственным надсмотрщиком» за соблюдением законного порядка в правительственном же делопроизводстве [3, с. 4]. В развитых уголовно-процессуальных порядках происходит отказ от общенадзорной модели деятельности прокурора и переход к обвинительной. После принятия Устава Уголовного Судопроизводства надзор стал служить в прокурорской деятельности добавлением к преследованию; прокурор же сделался прежде всего государственным обвинителем, органом публичного уголовного преследования [там же, с. 14].

Как писал Н.В. Муравьев: «Нормальная формула уголовного процесса, единственно разумная и справедливая, сводится к юридическому спору государства с заподозренным или обвиняемым, свободно защищающим себя по во-

просам о виновности и наказании. В этом споре прокуратуре принадлежит право и обязанность от имени государства доказывать виновность и требовать наказания, иначе говоря власть обвинительная или уголовное преследование» [3, с. 7].

В этом суждении вся суть учения о прокуратуре, учения о том, чем должны заниматься прокуроры (обвинительная правительственная власть государства): публичным уголовным преследованием, через которое правовым — судебным средством происходит противодействие преступности и тем самым поддерживается режим законности в государстве. Все прочие вопросы прокурорской деятельности отходят на второй план.

Прокурор, если следовать классическому русскому учению о прокуратуре, является обвинителем — не больше, но и никак не меньше, а вполне достаточно для того, чтобы главная угроза безопасности общества, личности от преступности находилась под целенаправленным уголовно-процессуальным воздействием из одного центра силы.

«Как орган уголовного правосудия прокуратура подходит всего более под смешанную форму процесса, в котором начало обвинительное, ограждающее личную свободу частного лица, по возможности, примиряется с обеспечивающим публичные интересы началом официального розыска... ведет официальное преследование, руководит первоначальным розыском, уживается и с розыскным и обвинительным следствием, и наконец поддерживает на суде настоящее обвинение» [там же, с. 12].

Прокурор во всех странах мира с развитыми правовыми системами является опорой, ведущей силой государства в противодействии преступности. Поэтому участие в уголовном преследовании, причем не просто участие, а

организующее, руководящее, направляющее, составляет если не единственную, то центральную, преобладающую компоненту деятельности прокуратуры.

Как известно, в советский период произошел возврат к «общенадзорной модели» организации и деятельности прокуратуры, трактованной как «высшая форма надзора за социалистической законностью» (ст. 1 Закона СССР «О прокуратуре СССР», ст. 21 Конституции СССР), противопоставляемой «царской модели». Современная российская теория прокурорского надзора стоит на аналогичной теоретико-идеологической основе: уголовное преследование есть только часть, не самая главная, общего надзора прокуратуры за исполнением всех законов [8, с. 7; 9, с. 8–9].

Между тем, сохраняет и поныне актуальность вывод Н.В. Муравьева о том, что: «теория рекомендует законодательствам видеть в прокуратуре исключительно орган публичного уголовного преследования, строго замкнутый в этой сфере и изменяющий своему назначению, как только он из нее выходит» [3, с. 28] И мы выступаем за то, чтобы обвинительный аспект превалировал в уголовно-процессуальной деятельности прокурора как в суде, так и в досудебном производстве.

Другой источник и составная часть нашей концепции — это процессуальный детерминизм и основанный на нем концепт «государственно-правовая организация противодействия преступности» [6, с. 85–86].

При определении этого концепта его создатели делают акцент на процессе выработки органами правосудия в диалоге со сторонами обвинения и защиты из текста уголовного закона средства уголовно-правового воздействия или средства разрешения уголовно-правового спора. Следует согласиться с

идеями о том, что данная организация — это процесс взаимодействия участников и их деятельность по достижению цели этой организации [7, с. 200–203].

Важно подчеркнуть процессуальную основу правовой организации противодействия преступности, на что указывают авторы приведенных исследований [6, с. 85]. Мы полностью разделяем установку на процессуальную детерминацию правовых, уголовно-правовых производных анализируемой организации.

Данная позиция в корне отличается от позиции, согласно которой механизм уголовно-правового регулирования является самодостаточным для выработки мер/средств уголовно-правового воздействия [10–15]. Такую установку на понимание правовой организации противодействия преступности некоторые современные авторы называют «материальным детерминизмом» [16], а его крайние проявления на уровне правовой психологии и правовой культуры — «процессуальным нигилизмом» [там же]. Кроме того, здесь налицо отраслевой изоляционизм в понимании того общего, что оказывает регулятивное — уголовно-правовое воздействие на общественные отношения, нарушенные преступлением. На этот момент справедливо указывают современные авторы в связи с созданием новой научной специальности: 5.1.4 Уголовно-правовые науки [17]. Мы солидарны с ними в том, что он подлежит преодолению в современной комплексной уголовно-правовой науке. Вместе с тем, такой теоретико-методологический сдвиг позитивно скажется на правовой культуре и, в итоге — на законодательном процессе, уголовной политике, правоприменении.

Итак, мы принимаем идею о процессуальной детерминации правовой организации противодействия преступ-

ности и полагаем, что именно процесс лежит в основе создания и реализации мер уголовно-правового воздействия.

«Организация», о которой идет речь, должна носить комплексный — «процессуально-материальный» — правовой характер; с уточнением, что преобладать должно процессуальное начало. Главным «актором» (действующим лицом) этого процесса и, соответственно, — центром организации выступает прокурор, который обязан быть активным в двух главных аспектах деятельности: обвинении и доказывании. Тем самым мы персонифицируем субъекта, уполномоченного осуществлять от имени государства руководство деятельностью всех правоохранительных органов по противодействию преступности и проводить уголовную политику. Этим субъектом должен быть Генеральный прокурор России и подчиненные ему прокуроры.

В современных условиях вновь востребованы теории о сильном, суверенном, централизованном государстве, объединяющем нацию. Имеет место возрождение концепции государства, которое организует и проводит уголовный процесс для защиты общества от преступлений [18]. Согласно этой концепции, государство выступает как некая единая организация, которая осуществляет уголовное судопроизводство, в том числе уголовное преследование [там же, с. 111]. Так, Л.В. Головкин утверждает, что государство осуществляет уголовное преследование нарушившего уголовный закон частного лица [19, с. 114]. Однако, суд не может поставлен в ряд такого рода «преследователей». Иначе надо отменять ст. 1 Конституции РФ (закрепляющую понятие правового государства) и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ (посвященную состязательности). Можно допустить слияние функций

предварительного расследования и обвинения, но соединение обвинения и суда несовместимо для выработки понятия организации противодействия преступности как правовой деятельности. При слиянии обвинения и правосудия противодействие преступности теряет свойство правостости.

Мы остаемся верны русской классической традиции в том, что обвинение и суд должны быть разделены. В основу конструируемого нами концепта «организация» лежит идея разделения обвинительной и судебной властей. Очевидно, в современных условиях надо в новых, конструируемых понятиях совместить представления «правовое государство», «разделение властей» с тезисом о государстве, которое противодействует преступности. На наш взгляд, тенденция концентрации, централизации власти отвечает концепция централизации обвинительной власти, снятие внутри нее систем сдержек и противовесов, многие из которых имеют следственное происхождение, но при сохранении принципиального разделения власти обвинительной и судебной. Сильное государство, противостоящее преступности, сильно двумя отдельными властями. И об усилении власти, централизации ее полномочий уместно говорить внутри обвинительной власти. Поэтому одним из наших ключевых тезисов является усиление власти прокурорской внутри следственно-обвинительной системы. Прокуратура должна обладать верховной властью в организации противодействия преступности.

Определяющее влияние на современную модель правовой организации противодействия преступности имеет институт президентства, а также правовое положение прокуратуры в системе государственной власти России. Власть прокуратуры производна от власти пре-

зидента. На это прямо указывает ч. 3 ст. 129 Конституции РФ. Президент России не входит ни в одну из властей государства, и в то же время его власть распространяется на судебную власть и прокуратуру (пп. «д.1», «е», «е.1» ст. 80, 129 Конституции России).

В теории прокурорского надзора создана концепция, согласно которой прокурорская власть производна от президентской [20, с. 21; 21; 22]. Мы присоединяемся к числу сторонников этой концепции: она более чем уместна в настоящее время.

Полагаем, что *современный уголовно-процессуальный строй — это атрибут централизованного государства, президентской республики, т.е. доминирование в уголовно-процессуальной сфере исполнительной (следственно-обвинительной) власти в вопросах обвинения и доказывания*

У идеологов следственной власти есть своя — альтернативная теория, согласно которой именно следственная власть исходит от власти президентской, и является независимой более ни от какой другой власти в системе государства [23, с. 198–199]. Однако, на конституционно-правовом уровне никаких указаний на происхождение следственной власти от президентской, в отличие от той же прокурорской, нет. Это говорит, по нашему мнению, о более высоком уровне прокурорской власти в сравнении со следственной. Только прокурорскую власть — прокурорский надзор можно считать продолжением власти президента в сфере противодействия преступности. Именно прокуратура является продолжением президентской власти и организует от имени главы государства противодействие преступности правовыми средствами, приоритетное значение среди которых имеет уголовный процесс, в

которой прокурор должен обладать всей полнотой власти обвинять и доказывать обвинение.

Таким образом, авторская концепция национальной уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности во главе с прокуратурой включает в себя следующие положения:

– в правовом государстве имеет место разделение властей — судебной и следственно-обвинительной властей в выполнении функций обвинять и наказывать;

– акцент в тезисе о централизации власти смещен со следственно-судебной на прокурорско-следственную власть.

Следующее принципиальное замечание относительно конструируемого нами понятия «уголовно-процессуально-правовая организация» касается представлений о «средстве уголовно-правового воздействия» по конкретному делу и «средстве уголовно-правового противодействия преступности».

Вся мыслимая нами «организация» как раз и является тем, что *производит эти «средства»* — из текста закона, отобранного и истолкованного участниками процесса — для применения по уголовному делу [3, с. 10–12].

Подчеркнем активную или даже ведущую роль прокурора в данной организации: прежде всего, как создателя обвинительной — исходной проектной модели «средства уголовно-правового воздействия» в тексте утверждаемого им обвинительного заключения или иного резолютивного обвинительного акта, а потому и инициатора сотворения уголовно-правового средства воздействия, которое эвентуально заложено в обвинении. В дальнейшем процессе прокурор (государственный обвинитель) в ходе судебной диалоговой, персуазивной речевой деятельности участвует в выработке судьей средства уголовно-

правового воздействия, оформленного в виде обвинительного приговора.

Именно прокурору принадлежит, должна принадлежать инициатива в предложении изначальной версии трактовки смысла закона, подлежащего применению в данном уголовном деле, имеющего своим предметом предполагаемое событие преступления. Прокурор предлагает проект средства уголовно-правового воздействия, который после перекрестного, состязательного обсуждения принимается полностью либо частично или отвергается судом. Прокурор — первоочередной субъект толкования норм закона, предлагаемых им к применению; он «зачинщик» процесса создания средства уголовно-правового воздействия. Хотя толкование суда является окончательным и приобретает общеобязательную силу.

С учетом новых представлений об уголовно-правовом воздействии как процессуальном производном из текста уголовного закона, как реальном уголовном праве в его процессуальной оболочке, т.е. отождествлении реального уголовного права как средства с процессом, можно заключить, что содержание данного понятия состоит в следующем:

– этот «организационно-правовой механизм» является процессуальным. Это работающая, т.е. процессуальная правовая организация реализации мер уголовно-правового воздействия и противодействия преступности;

– имеет место обвинительный способ приведения в действие уголовно-процессуально-правовой данной организации — через обвинение, субъектом которого должен быть прокурор;

– выдвижение обвинения — главный из ходов обвинения, которым запускается судебный механизм правоприменения — создания средства уголовно-правового средства;

– данная «организация» вырабатывает в ходе уголовно-процессуального доказывания «факты» и «решения»: промежуточные и итоговые, которые определяют движение уголовного дела и его исход;

– институты обвинения и доказывания, подвластные прокурору (должны быть по идее подвластными прокурору), составляют основу правовой организации противодействия преступности. Именно эти два процессуальных института преобразуют объективную (внетекстовую, а потому и немислимую) реальность — в текстовую, мыслимую, юридическую, процедурную, уголовно-правовую реальность.

В заключительном виде можно определить уголовно-процессуально-правовую организацию реализации мер уголовно-правового воздействия как во-первых, систему правоохранительных органов, уполномоченных на осуществление уголовного преследования и применение уголовного закона, во-вторых, процессуальные отношения между этими органами обвинительной власти государства, и в-третьих, уголовно-процессуальную и иную правовую и квази-правовую деятельность (включая и оперативно-розыскную деятельность) этих органов, связанную с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших или готовивших преступления.

Интегративное межотраслевое понятие «уголовно-процессуально-правовая организация противодействия преступности» предлагает процессуальный взгляд на то как государство в его обвинительной власти осуществляет уголовно-правовое воздействие на преступность.

Реальное средство уголовно-правового воздействия — это истолкованный в контексте конкретного уголовного процесса (дела) уголовный закон как

средство разрешения спора и одновременно — как средства уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление.

Процессуальный фактор и его составляющие, оказывающие детерминирующее влияние на уголовно-правовое воздействие, таковы: обвинение и доказывание. Организация противодействия преступности процессуальна в своей правовой сущности: она основана на институтах обвинения и доказывания. Оба они должны быть подвластны прокурору. Прокурор находится в центре уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности. В то же время мы оспариваем статус следователя, как процессуально самостоятельного и независимого — от прокурора, субъекта как толкования, так и применения уголовного права.

Для прокурора участие в досудебном производстве предваряет его судебную процессуальную деятельность — деятельность во взаимодействии с судом в создании средства уголовно-правового воздействия — средства разрешения уголовно-правового спора. И в этом единстве досудебной и судебной активности прокурора, на наш взгляд, заключается предпосылка эффективности процессуальной деятельности прокурора.

Вертикаль следственно-обвинительной власти выступает стержнем досудебного производства и уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности. «Главой досудебного производства», руководителем уголовного преследования, организатором подготовки обвинения и получения обвинительных доказательств, наряду с другими доказательствами, должен быть один представитель государства — прокурор. Полномочия по надзору за процессуальной деятельностью органов пред-

варительного расследования имеют значение способа опосредованного осуществления уголовного преследования, участия в доказывании.

Обвинительная власть реализуется прокурором в следственной форме

досудебного производства. Прокурор должен обладать достаточной властью в досудебном производстве над обвинением, чтобы проводить уголовную политику и управлять организацией противодействия преступностью.

Список использованной литературы

1. Левченко О.В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования) : монография / О.В. Левченко. — Москва : Юрлитинформ, 2022. — 176 с.
2. Чурикова А.Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе : монография / А.Ю. Чурикова. — Москва : Триумф, 2022. — 285 с.
3. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности / Н.В. Муравьев. — Москва : Унив. тип., 1889. — Т. 1 : Прокуратура на Западе и в России. — 554 с.
4. Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной / Н.А. Буцковский. Санкт-Петербург, 1867. — 80 с.
5. Щегловитов И.Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства / И.Г. Щегловитов // Журнал министерства юстиции. — 1903. — № 9. — С. 63–101.
6. Александров А.С. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке / А.С. Александров, И.А. Александрова, С.В. Владова. — EDN IJWVVP // Государство и право. — 2019. — № 9. — С. 75–86.
7. Александров А.С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А.С. Александров, О.И. Андреева, О.А. Зайцев. — EDN UWONMW // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 448. — С. 199–207.
8. Прокурорский надзор : учебник / под ред. А.Я. Сухарева. — Москва : Норма, 2022. — 480 с.
9. Прокурорский надзор : учебник / под ред. А.Ф. Смирнова, А.А. Усачева. — Москва : Юрайт, 2021. — 483 с.
10. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е.В. Благов. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. — 505 с.
11. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации / Ю.С. Жариков. — Москва : Юриспруденция, 2009. — 234 с.
12. Кибальник А.Г. Нужен ли новый «рецепт спасения» уголовно-правового? Скорбные размышления о статье А.С. Александрова и А.И. Александровой / А.Г. Кибальник. — EDN WUVEPT // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2021. — № 1 (53). — С. 100–105.
13. Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. / Н.М. Кропачев. — Санкт-Петербург, 2000. — 59 с.
14. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. — 480 с.
15. Савенков А.Н. Вопросы уголовной политики государства / А.Н. Савенков. — EDN XWUEPF // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 1. — С. 163–171.
16. Александров А.С. Судебный процесс — источник права и справедливости / А.С. Александров, И.А. Александрова. — EDN HGQMZY // Правовое государство: теория и практика. — 2022. — № 1 (67). — С. 11–29.
17. Александров А.С. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки / А.С. Александров, И.А. Александрова. — EDN WNYCJF // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2021. — № 4 (58). — С. 6–19.

18. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям / Л.В. Головкин. — EDN XIQZCZ // Государство и право. — 2020. — № 6. — С. 107–118.

19. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. — Москва : Городец, 2022. — 458 с.

20. Королев Г.Н. Прокуратура РФ в период правовой реформы / Г.Н. Королев. — Ижевск : Детектив-информ, 1998. — 107 с.

21. Чуглазов Г. Прокуратура должна стать органом президентской власти / Г. Чуглазов, П. Кулагин // Законность. — 2001. — № 1. — С. 17–21.

22. Чуглазов Г.Т. Прокуратура в системе органов государственной власти / Г.Т. Чуглазов // Законность. — 2003. — № 2. — С. 30–32.

23. Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 384 с.

References

1. Levchenko O.V. *Participation of the Prosecutor in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case (experience of comparative legal research)*. Moscow, JurLitinform Publ., 2022. 176 p.

2. Churikova A.Yu. *Legal Model of Prosecutor's Activity in Russian and Foreign Criminal Proceedings*. Moscow, Triumph Publ., 2022. 285 p.

3. Murav'ev N.V. *Prosecutor's supervision in its structure and activities*. Moscow, Universitetskaja Tipografija Publ., 1889. Vol. 1. 554 p.

4. Butskovskii N.A. *On the activities of prosecutor's supervision in the investigation of the separation of the prosecutorial power from the judicial*. Saint Petersburg, 1867. 80 p.

5. Shcheglovitov I.G. Basic Principles of the Modern Criminal Proceedings. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii = A Journal of the Ministry of Justice*, 1903, no. 9, pp. 63–101. (In Russian).

6. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A., Vlasova S.V. The theoretical concept of the state-legal organization of counteraction to crime in the XXI century. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 9, pp. 75–86. (In Russian). EDN: IJWVVP.

7. Alexandrov A.S., Andreeva O.I., Zaytsev O.A. On development prospects of the Russian criminal proceeding in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2019, no. 448, pp. 199–207. (In Russian). EDN: UWONMW.

8. Sukharev A.Ya. (ed.). *Prosecutor's Supervision*. Moscow, Norma Publ., 2022. 480 p.

9. Smimov A.F., Usachev A.A. *Prosecutor's Supervision*. Moscow, Yurait Publ., 2021. 483 p.

10. Blagov E.V. *Application of Criminal Law (theory and practice)*. Saint Petersburg, Juridichesky Tsenter Press Publ., 2004. 505 p.

11. Zharikov Yu.S. *Criminal Legal Regulation and Mechanism of its Implementation*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2009. 234 p.

12. Kibalnik A.G. Do we need a new “recipe for salvation” of criminal law? Mournful reflections about A.S. Alexandrov’s and I.A. Alexandrova’s article. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practical: Journal of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2021, no. 1, pp. 100–105. (In Russian). EDN: WUVEPT.

13. Kropachev N.M. *Mechanism of criminal law regulation*. Doct. Diss. Saint Petersburg, 2000. 59 p.

14. Lopashenko N.A. *The fundamentals of criminal-law influence. Criminal law, criminal law, criminal law policy*. Saint Petersburg, Juridichesky Tsenter Press Publ., 2004. 480 p.

15. Savenkov A.N. Questions of criminal policy of the state. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 1, pp. 163–171. (In Russian). EDN: XWUEPF.

16. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. Judicial process — source of law and justice. *Pravo-voe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 11–29. (In Russian). EDN: HGQMZY.

17. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. On the philosophical and legal claims of the theory of criminal process on the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 — Criminal science. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 4, pp. 6–19. (In Russian). EDN: WNYCJF.

18. Golovko L.V. State participation in the criminal procedure: from “equality of arms” to realistic theories. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 6, pp. 107–118. (In Russian). EDN: XIQZCZ.

19. Golovko L.V. *The State and its Criminal Proceedings*. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 458 p.

20. Korolev G.N. *Prosecutor's Office of the Russian Federation during the Period of Legal Reform*. Izhevsk, Detektiv-inform Publ., 1998. 107 p.

21. Chuglazov G. The Prosecutor's Office should become a presidential authority. *Zakonnost' = Legality*, 2001, no. 1, pp. 17–21. (In Russian).

22. Chuglazov G.T. Prosecutor's Office in the system of state authorities. *Zakonnost' = Legality*, 2003, no. 2, pp. 30–32. (In Russian).

23. Kolokolov N.A. (ed.). *Apparatus of the investigative power*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 384 p.

Информация об авторе

Левченко Олег Викторович — кандидат юридических наук, прокурор Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы, г. Москва, Российская Федерация.

Author Information

Levchenko, Oleg V. — Ph.D. in Law, Prosecutor, Prosecutor's Office for Troitsky and Novomoskovsky Administrative Districts of the City of Moscow, Moscow, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 20.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.11.2022

Принята к публикации / Accepted 27.01.2023

Дата онлайн-размещения / Available online 23.03.2023